

УДК 821.511.152
EDN UOINFG<http://vestnikniign.ru>*Научная статья*

ПРОБЛЕМНО-ТЕМАТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РАССКАЗОВ А. ДОРНИНА

С. В. ШеяноваНациональный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Россия
sheyanovas@mail.ru*Аннотация*

Введение. В современном литературоведении изучение художественного процесса сквозь призму жанровой специфики признается продуктивным и стратегически важным научным подходом, поскольку жанр способен отражать наиболее устойчивые тенденции развития литературы, обуславливать технологии и модели творческой реализации индивидуально-авторской концепции мира и личности — особенности развития сюжета, построения хронотопа, структурирования персонажной системы, выбор арсенала средств образности. В связи с этим особую значимость приобретает исследование жанровых процессов (диалектика отдельного жанра, интеграционные отношения между жанрами), происходящих в мордовской литературе начала XXI в., а также рефлексия их национально-художественного своеобразия, что проявляется в творческих экспериментах конкретных авторов. Статья посвящена изучению рассказов А. Дорнина, характеризующихся тематической многоплановостью, актуализацией насущных проблем действительности, отражением трагического мироощущения современника. Цель статьи — выявить доминирующие проблемно-тематические кластеры в малой прозе писателя, определить особенности авторского миромоделирования.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили рассказы А. Дорнина, впервые подвергающиеся научной рефлексии и вводимые в контекст современного финно-угорского литературоведения. Посредством метода целостного анализа художественного текста, метода описательной поэтики, а также структурно-семантического, сравнительно-сопоставительного, историко-функционального методов было проанализировано 20 произведений.

Результаты исследования и их обсуждение. Творчество А. Дорнина нуждается в скрупулезном исследовании и научной рефлексии, поскольку определяет проблемно-тематическую доминанту современной мордовской литературы, стратегию жанровых процессов в ней. В рассказах писателя отражена рубежная эпоха, время глобализационных изменений, переформатирования моделей коммуникации в социуме, обусловившие особый тип сознания современника, трагичность его мироощущения, что, в свою очередь, привело к актуализации табуированных в советский период тем, наполнению проблем социально-бытового содержания аксиологическим, экзистенциальным смыслом. Автор изображает частные истории персонажей, посредством которых раскрывается обобщенная картина жизни современного общества.

Заключение. В результате проведенного исследования приходим к выводу о том, что в рассказах А. Дорнина актуализированы малоисследованные в мордовской прозе проблемно-тематические кластеры: судьба пожилого человека, история маргинала, чеченская война, проблема детской инвалидности, проблема самоубийства. Обращение писателя к данному тематическому контенту обусловлено как внешними факторами эволюционирования национальной литературы,

© Шеянова С. В., 2023

так и имманентными, внутрижанровыми, тенденциями, а также индивидуально-творческой концепцией автора, стремящегося объективировано раскрыть социальные, духовно-этические проблемы современности, проследить взаимосвязи человека и общества.

Ключевые слова: современная мордовская проза, мордовский рассказ, А. Доронин, проблемно-тематический кластер, персонаж, образ

Для цитирования: Шеянова С. В. Проблемно-тематическое своеобразие рассказов А. Доронина // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15, № 3. С. 164 — 177. EDN UOINFG

Original article

PROBLEM-THEMATIC SINGULARITY OF A. DORONIN'S SHORT STORIES

S. V. Sheyanova

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia
sheyanovas@mail.ru

Abstract

Introduction. In modern literary criticism, the research of the artistic process through the prism of genre specificity is recognized as a productive and strategically important scientific approach, since the genre is able to reflect the most stable trends in the development of literature, determine the technologies and models for the creative implementation of the individual author's concept of the world and personality — features of plot development, chronotope construction, structuring character system, the choice of an arsenal of means of figurativeness. In this regard, the study of genre processes (dialectics of a separate genre, integration relations between genres) taking place in Mordovian literature of the early XXI century, as well as the reflection of their national artistic originality, is of particular importance, which is manifested in the creative experiments of specific authors. The article is devoted to the research of A. Doronin's short stories, characterized by thematic diversity, actualization of pressing problems of reality, reflection of the tragic worldview of a contemporary. The purpose of the article is to identify the dominant problem-thematic clusters in the writer's short prose, to determine the features of the author's world modeling.

Materials and methods. The material of the research was the short stories by A. Doronin, for the first time subjected to scientific reflection and introduced into the context of modern Finno-Ugric literary criticism. Through the method of holistic analysis of a literary text, the method of descriptive poetics, structural-semantic, comparative-contrastive, historical-functional methods, 20 works were analyzed.

Results and discussion. A. Doronin's creativity needs scrupulous research and scientific reflection, since it determines the problem-thematic dominant of modern Mordovian literature, the strategy of genre processes in it. The writer's short stories reflect the milestone era, the time of globalization changes, the reformatting of communication models in society, which determined a special type of consciousness of a contemporary, the tragedy of his attitude, which, in turn, led to the actualization of topics taboo in the Soviet period, filling the problems of social and everyday content with axiological, existential meaning. The author depicts the private stories of the characters, through which a generalized picture of the life of modern society is revealed.

Conclusion. As a result of the research, we come to the conclusion that in A. Doronin's short stories, problem-thematic clusters that have been little studied in Mordovian prose are actualized: the fate of an elderly person, the history of a marginal, the Chechen war, the problem of childhood disability, the problem of suicide. The writer's appeal to this thematic content is conditioned both by external factors of the evolution of national literature, and by immanent, intra-genre trends, as well as by the

individual creative concept of the author, who seeks to objectively reveal the social, spiritual and ethical problems of modernity, to trace the relationship between man and society.

Keywords: modern Mordovian prose, Mordovian story, A. Doronin, problem-thematic cluster, character, image

For citation: Sheyanova SV. Problem-Thematic Singularity of A. Doronin's Short Stories. *Bulletin of the Research Institute of the by the Government of the Republic of Mordovia*. 2023;15(2):164—177. EDN UOINFG

Введение

На рубеже XX — XXI вв., в период глобальных общественно-исторических изменений, драматических трансформаций социального строя, реформирования взаимоотношений человека и среды, в мордовской литературе активизируются малые эпические формы, в частности рассказ, традиционно обращенный к проблемам нравственно-этического содержания, в настоящее время демонстрирующий смену типа повествования и жанрового мышления — отражающий неоднозначность и сложность действительности, кризис общечеловеческих идеалов, трагическое мировосприятие человека рубежной эпохи, деструктивные обстоятельства современности — нивелирование духовно-нравственных констант, основ национальной жизни, этнокультурной сферы. Миромоделирование современных писателей основывается на аксиологическом подходе, философском поиске смысла жизни, осмыслении глубоких онтологических проблем, о чем свидетельствуют произведения М. Брыжинского, В. Мишаниной, А. Брыжинского, Е. Четвергова, Т. Барговой, Т. Разгуляевой, И. Кудашкина, А. Тяпаева, М. Моторкина и др.

По утверждению исследователей, мордовский рассказ последних десятилетий «характеризуется разнообразием жанровых форм и разновидностей: социально-психологический, нравственно-психологический, семейно-бытовой, сатирический, юмористический, исторический, короткий рассказ, рассказ-исповедь, рассказ-судьба, рассказ-анекдот, рассказ-триптих» [4, с. 9], своеобразных не только нарративными решениями, но и композиционными приемами, выразительными деталями, символическими образами, методиками психологического анализа, в совокупности направленными на решение метафизической цели — исследование форм и смысла бытия человека.

Жанровыми предпочтениями — способностью в малой форме отразить большое содержание, «смысловой сложностью, заключающейся в повествовательной многоплановости... особой организацией текста по принципу „обнажения конструкции“, диалогической природой, требующей дешифровки» [9, с. 123 — 124] — рассказ привлекает тех писателей, которые ранее работали преимущественно в жанре повести или романа. Это утверждение справедливо по отношению к А. Доронину, многогранному мастеру, с именем которого связано развитие, прежде всего, национальной романистики и поэтических форм, в последние годы обратившемуся к активному освоению рассказа.

На наш взгляд, в рассказах А. Доронина выстраивается оригинальная авторская концепция мира и человека, основанная на объективном воссоздании реалий действительности, актуализации табуированных в предыдущие десятилетия тем, решении насущных проблем современности — социальной адаптации и поддержки людей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации, участников военных конфликтов, инвалидов, пожилых людей, при этом описание конкретных историй сопряже-

но с констатацией общечеловеческих ценностных смыслов, осмыслением вопросов экзистенциального, философского содержания.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили рассказы А. Доронина, написанные в последние десятилетия и включенные во второй том «Избранных произведений». В работе использованы традиционные методы литературоведческого анализа: метод целостного анализа художественного текста, метод описательной поэтики, структурно-семантический, сравнительно-сопоставительный, историко-функциональный.

Обзор литературы

Творчество А. Доронина нашло достаточно широкое аналитическое освещение в национальном литературоведении и критике. В диссертации С. Н. Кедяркина «Эволюция творчества Александра Доронина» [6] рассматриваются развитие эстетических традиций поэзии писателя, становление концепции личности в прозе автора, анализируются жанрово-стилевые, идейно-тематические особенности романов «Перепелка — птица полевая», «Тени колоколов». Хронологические рамки данного исследования охватывают 1960 — 1990-е гг., которыми творческая деятельность писателя не ограничивается.

Немало ценных наблюдений и обобщений относительно поэтологических особенностей поэзии и прозы А. Доронина содержится в монографии В. И. Демина «Моран Россия эсень эрзянь кельсэ...» [3], в которой рамки исследования расширяются до начала 2000-х гг., творческий портрет писателя дополняется проблемно-тематическим, пообразным, стилевым анализом романа «Кузьма Алексеев».

В настоящее время А. Доронин позиционируется, безусловно, как романист-историк, автор монументальных полотен, во многом определяющий тенденции развития национальной романистики рубежа XX — XXI вв. Данное положение находит отражение в монографии «Современный мордовский роман: проблематика, поэтика» [13], в которой анализируются принципы сюжетосложения романа «Тени колоколов», выявляются индивидуально-творческие особенности художественного метода совмещения реального и вымышленного в структуре романа «Кузьма Алексеев».

В последние десятилетия А. Доронин обращается к жанрам повести и рассказа, что обусловлено внешними (социально-историческими, национально-культурными) факторами, запросами современного читателя, жанровыми предпочтениями самих жанров, способных оперативно реагировать на общественные изменения, отражать различные модели коммуникации человека с миром, проследить имплицитную взаимосвязь этнического сознания с исторической памятью страны. Повесть А. Доронина «Волчий овраг» следует воспринимать этапным в развитии мордовской исторической повести, поскольку это «первое в национальной литературе произведение, в котором воссоздаются жизнь и быт доколхозной мордовской деревни, обстоятельства насильственного переселения семей раскулаченных поволжских крестьян в Казахстан, судьбы переселенцев, представителей разных национальностей, которые вынуждены были поменять привычный образ жизни, приспособиться к суровым условиям степи, наладить быт, выстроить новые взаимоотношения, искать пути самореализации» [14, с. 141].

Несмотря на то что творчество А. Доронина не оказывается на периферии научного интереса, его рассказы выпадают из-под внимания литературоведов и нужда-

ются в скрупулезном изучении, поскольку в них наблюдаются интересные проблемно-тематические решения, оригинальные технологии раскрытия характера, неповторимое движение творческой мысли, отражающие как внутрижанровые процессы, так и общие тенденции, стратегию развития национальной литературы в целом.

Результаты исследования и их обсуждение

Современный литературный процесс отличается ускоренным развитием, пестротой и противоречивостью тенденций (минимализация, циклизация, гибридизация), разнообразием тематических экспериментов, трансформацией канонических жанров, решением разноаспектных проблем, доминированием одних форм и угасанием других. В мордовской литературе последних десятилетий одним из самых активных жанров признается рассказ, опирающийся как на традиционные подходы в освещении действительности, так и на новаторские принципы моделирования коммуникации человека с внешним миром. Исследователи свидетельствуют о расширении его тематического диапазона, «видоизменении, усложнении средств, приемов отражения авторской позиции», «активизации субъективных форм повествования», использовании «оригинальных композиционных приемов», «повышении смысловой нагрузки художественной детали» [4, с. 10]. Особая роль в развитии эпических традиций мордовского рассказа принадлежит А. Доронину, поскольку в его произведениях отражаются важнейшие общественные атрибуты эпохи, социальные и этические проблемы, мироощущение современника.

В ряде рассказов («Микиш атя» / «Дед Микита», «Панжозь пежетть» / «Вскрывшиеся грехи», «Кендялт-мендялт», «Пайстомо» / «Несчастный», «Антихрист», «Идезь монашка» / «Вымоленная монашка», «Ваявтозь уцяска» / «Утопленное счастье», «Охотникень толбандят» / «Охотничьи костры», «Орлик», «Кудонь лембе» / «Тепло дома») А. Доронин обращается к изображению судьбы пожилого человека. Следует сказать, что интерес писателя к геронтологической теме проявляется еще в первом его романе, в рассказах усиливается, что обусловлено, на наш взгляд, особенностями психологии и мировосприятия автора, испытывающего потребность поделиться с читателем со зрелым мудрым взглядом на жизнь.

В рассказе «Дед Микита» незамысловатый сюжет наполняется глубокой онтологической идеей, размышлениями о смысле человеческой жизни, быстротечности времени. В главном герое Микише сочетаются драматические и комические черты. За свою долгую жизнь пожилой мужчина пережил много разных ситуаций — рождение сына, двух дочерей, внуков, предательство любимой девушки Анны, вышедшей замуж за его друга Семена, многолетний труд в колхозе, смерть жены Моти. В настоящее время старик живет в семье сына, он не обделен заботой и вниманием (особенно со стороны внука-подростка Данила), однако находится в подавленном психологическом состоянии, обусловленном осознанием того, что жизнь подходит к концу, и *эряви тоначив анокстамо*¹ («надо готовиться к уходу в мир иной»²). По-

¹ Доронин А. Кавто томсо кочказь произведеният. Т. 1: Ёвтнемат ды повесть [Избранные произведения в 2 томах. Т. 1: Рассказы и повести]. Саранск, 2018. С. 5. (Далее ссылки на этот источник даны в тексте в круглых скобках с указанием страницы).

² Здесь и далее перевод автора — С. Ш.

ложение героя усугубляют обострившиеся в последнее время болезни (сердце, тяжесть в ногах), а также приснившийся сон: *Будо кулось сон, кувака эземс уловонзо оршазь-наряжазь пугызь. Велькссэнзэ сырькайнеть лайишеть, кудопотмось шта-толсо качады* (с. 5) («Будто умер он, обмыли его и в гроб положили. Свечи в доме горят. Старушки его оплакивают»). По утверждению исследователей, «литературные сновидения имеют двоякую природу: с одной стороны, они принадлежат к внутреннему миру героя-сновидца, отображая какие-то его психологические особенности, с другой — являются элементом художественной структуры произведения, выполняя тем самым определенные функции в его структуре» [12, с. 53]. В анализируемом рассказе сон является сюжетообразующим элементом, передает эмоционально-психологическое состояние и страхи героя, а также наполняет повествование ироническим подтекстом. Микиш уверен, что ему приснился пророческий сон — предзнаменование скорой смерти, поэтому он решил попрощаться с односельчанами, в последний раз дойти до околицы леса, окинуть взором родной край и умереть непременно на Пасху, поскольку, по его мнению, *Инечистэ кулозетне ансяк райс понгонить* (с. 7) («Умершие на Пасху попадают только в рай»).

Искренняя убежденность старика в скорой смерти создает комическую ситуацию, основанную на несоответствии состояния персонажа и действительности. Попрощавшись с рекой, горой, Микиш возвращается домой и возле колодца встречает свою бывшую возлюбленную бабу Анну. *Микишень седеезз баягакс чавозевсь. ...Сон ильтизе сырькайнеть нусманя вановтсо, мендязь рунгинестэнзэ несь икелень мазый тейтерь...* (с. 8) («Сердце Микиша колокольчиком зазвенело. ...Он проводил женщину грустным взглядом, в согнувшемся силуэте отличал черты красивой девушки...»). Мгновенный монтаж жизненного пути мужчины обостряет в нем восприятие семьи как убежища от всех жизненных бед, одиночества, беспомощности. По утверждению исследователей, семья «не только обеспечивает удовлетворение базовых биологических и социальных потребностей, стабилизирует эмоционально-психологическую жизнь пожилых людей, но и формирует их активную, ответственную жизненную позицию» [2, с. 17]. Микиш вспоминает про внука, понимает, что ему надо жить ради него, радоваться его взрослению: *Сельмем икеле нуцькам касы, а мон тоначив туиксэлинь. Превень тунь ношкалгасть! Раесь вана косо — нуцькам вакссо* (с. 9) («У меня внук растет, а я собрался умирать. Совсем из ума выжил! Вот где рай — рядом с внуком!»). Следует отметить, что изменения в мировосприятии Микиша вполне предсказуемы, поскольку депрессивное состояние ожидания смерти противоречит оптимистичному, жизнелюбивому характеру мордовского народа, что подтверждается посредством как фольклорных (обманувшего смерть Ёги), так и литературных персонажей (Казань Эмель, Анде, герои А. Ганчина старики-«философы» и др.).

В обстоятельствах жизни главного героя рассказа А. Доронина «Антихрист», построенного на приемах ретроспекции и монтажа, высвечиваются трагические события истории страны. Образ Павла Маркина типологически близок Оберьяну, герою повести «Рок» удмуртского писателя Н. Самсонова, посвященной «проблеме наказания человека, перечеркнувшего законы совести, заглушившего в себе нравственные законы предков, голос матери-природы» [5, с. 276]. Бывший сотрудник КГБ оказывается перед лицом смерти, однако мир мертвых отторгает его, отказы-

ваются принимать за совершенные грехи. Маркина мучают сны, видения, ему являются образы из прошлого — младший брат Тере, в 1937 г. объявленный «врагом народа» и сосланный в Сибирь, убитый им священник Никодим. Местные чекисты голословно обвинили пастуха Тере в краже двух коров с колхозного стада. Активисты обошли все сараи, обыскали хлева, но нигде *аволь ансяк скалонь парамот, саразонь котноматкак эзь маря. Нужачисэ эрясть ломантне, кедьстэст весементь „вейсэнъ“ хозяйствав саузь* (с. 262) («не то что мычания коров, кудахтанья кур не услышали. Люди жили в нищете, у них все отобрали и свели в „общее“ хозяйство»). В рассказе автор отказывается от пространных описаний действительности второй половины 1930-х гг. и размышлений об ошибках и противоречиях коллективизации, он отражает реалии эпохи одной фразой. Никаких фактов, свидетельствующих о причастности Тере к краже, выявлено не было, решение о виновности пастуха принял предводитель отряда Разинов по принципу «больше некому», председатель артели Григорий Карпов поддержал это решение своего свата, приведя «весомый» довод: *Весе тынь, Маркинтнэ, кепе-штапо яксиде, ней, зярдэ артелесь пильге лангс сти, ундокснэк сонзэ сявтавлинк...* (с. 263) («Все вы, Маркины, босиком-голышом бегали, сейчас, когда артель крепнет, с корнем выдирать его хотите...»).

В Павле одерживают вверх эгоистические инстинкты — желание выслужиться, отвести подозрение от себя: *Чекист ялгатнень икеле вачкодезь пинекс цийнезевсь* (с. 263) («Перед своими друзьями-чекистами побитым щенком завыл»). Трусость, слабость духа доводят его до преступления — он стреляет брату в руку, цинично оправдывая свой поступок следующим: *Аволь седейс ледизе. Кодаяк цидярдэ. Теренень мезе, сон апак урваксто, семьязо арась* (с. 263) («Не в сердце же выстрелил. О Тере переживать не кому, он не женат, семьи у него нет»). Если предательство брата Павел мог переложить на чекистов, незаконно обвинивших его, то местного священника Никодима убивать ему никто не приказывал, он совершил это умышленно. Писатель не оправдывает его, отмечает, что жестокостью и грубостью Павел всю жизнь отпугивал от себя людей. При этом в авторской концепции Маркин является порождением своего времени, политического строя, поскольку его поведение и действия вызваны вседозволенностью, безнаказанностью, возможностью совершать преступления под прикрытием власти, идеологических установок.

Маркин не понес заслуженное наказание, он не покаялся за содеянное перед близкими и даже самим собой. Он испытывает наказание в виде постоянных воспоминаний и видений. По совету дочери мужчина идет в церковь, чтобы поставить свечу за помин загубленных им душ. В церкви видения становятся четкими, Маркин испытывает животный страх, размахивает руками, выкрикивает на первый взгляд бессмысленные фразы: *Мон а чуман, апаро тевтнень топавтнеме партиянок кармавтнесь. ...Никодим бачканть килейбулос лов алов валякинья!.. А-а, ды те Григорь Карпов!.. Сонгак вельмесь?* (с. 267) («Я не виноват, преступления совершал по указанию партии! ...Никодима я закидал снегом и оставил в березовой роще!.. А-а, это Григорь Карпов!.. Он тоже жив?...»). От эмоционального напряжения Маркин умирает под крыльцом церкви. Его смерть имеет символический смысл — за совершенные преступления и грехи он оказывается отторжен от людей, стены храма не принимают его, он погибает как загнанный зверь. Персонаж не способен на духов-

ное возрождение, которое начинается с «обнаружения и осознания собственной греховности, заставляющего человека встать на путь спасения души, что предполагает покаяние, преодоление страстей и исцеление» [10, с. 242], поэтому смерть — единственный выход из ситуации. Таким образом в рассказе актуализируется духовная проблематика, а мотив греха, прощения, раскаяния и спасения души становится основополагающей концепцией человека.

Отдельный тематический блок составляют рассказы А. Доронина о чеченской войне («Апак учонь инже» / «Нежданный гость», «Кшнинь пелькске» / «Кусок металла»), не составляющие батальную прозу, но соответствующие «новой концепции войны» — свободные от лжепатриотизма, ура-бравады, вызывающие размышления экзистенциального характера, рефлексию трагичности, антигуманности войны, недопустимости ее в будущем. Обращение литературы в XXI в. к теме военных конфликтов, по утверждению исследователей, «имеет целью предотвратить любые военные действия (и в зоне открытых конфликтов, и в мирной жизни), показав их разрушительную силу» [7, с. 24].

Рассказ «Нежданный гость» соотносим с рассказом «Звон колоколов» Т. Разгуляевой. В обоих произведениях на первый план вынесены переживания матери за судьбу единственного сына, оказавшегося в огне чеченской войны. Женщины воспринимаются собирательным образом матери, ждущей сына с войны, что манифестируется отказом авторов от именования героинь, их идентификацией лексемой «мать». Они проходят через психологические, ментальные, духовные испытания, недаром за помощью обращаются к Богу — одна, прося его о спасении сына, вторая — о скором уходе. Если героиня Т. Разгуляевой надеется на возвращение сына, то мать Евгения Кутурова получила похоронку на него девять лет назад. Известие о гибели единственного сына подорвало здоровье женщины, она «поседела», «сгорбилась», «ходила медленно и беззвучно». Мать жила воспоминаниями о Жене, часто рассматривала его фотографии, однако это приносило временное облегчение, спустя минуту боль усиливалась, вызывая надрывный крик: *Вейкине нежем ульнесь, сеньгак инегуйтне маштызь. Мезень кисэ?* (с. 280) («Единственная опора была у меня, и того черти убили... За что?»). Когда поздно вечером в дом зашел мужчина, она не узнала в нем Женью, приняла за бездомного, предложила кусок хлеба. Кутуров понимает, что в его воскрешение поверить сложно — прошло слишком много времени, поэтому решил не пугать мать, подождать до утра. Следует сказать, что финальная часть рассказа автором не продумана. Он стремится концентрировать разноплановые события, что несколько снижает реалистичность повествования. В частности, именно в этот вечер почтальонка приносит матери телеграмму из военкомата, в которой сообщается о том, что *цёранк муевсь, Московонь госпитальсэ, аравтозь правительствань награда* (с. 285) («сын жив, проходит лечение в госпитале в Москве, представлен государственной наградой»). Находясь в плену, Женя не получал известий из дома, поэтому не мог знать, что его жена Лида вышла замуж за другого, тем не менее, не владея информацией, в этот же вечер он отыскал ее. Описание реакции женщины на возвращение считавшегося погибшим некогда любимого мужчины, на наш взгляд, не убедительно, лишено эмоциональности, экспрессии.

Открытая социальность А. Доронина, обращение к теме «маленького человека», идея о детерминированности характера внешними обстоятельствами обуславлива-

ют особое внимание писателя к маргинальным типам (бездомные, безработные, осужденные, страдающие от алкоголизма), характеризующимся «утратой психологической стабильности, чувством морального дискомфорта, конфликта, что приводит к апатии, ощущению бессмысленности существования либо к раздражимости, агрессии, асоциальности» [8, с. 274]. В рассказе «Несчастный» показана маргинализация не только человеческой природы, но и в целом общества постсоветской России, поскольку, согласно авторской концепции, деградация индивидуума, его непригодность, оторванность от привычной среды, психологическая беспомощность обусловлены экономической нестабильностью, неэффективностью системы социальной защиты.

Повествование предваряется портретом бездомного пожилого человека, по которому легко представить обстоятельства, в которых он находится: *Ошонь куринкаванть Сёма атя эскелясь пильгень ускозь. Ожо, ловажав чамазо теке кевстэ тоцязь. Сельмензэ наволат. Эскелясь сон ды, мерят, киньгак эзь нее* (с. 181) («По улицам города, шаркая ногами, шел старик Сема. Желтоватое лицо с выпирающими скулами точно выточено из камня. Глаза влажные. Шагал, никого не замечая»). Фабульное время рассказа расширяется за счет коротких воспоминаний Семена: пронзительный ветер напоминает ему холодную осень 1941 года, отступление советских войск, слезящиеся глаза — как плакал, когда младший сержант пристрелил сломавшую ногу лошадь, когда семнадцатилетним подростком хоронил своих боевых товарищей, тепло любимой девушки, здание церкви — ужасы немецкого плена в концлагере в Финляндии, где рубили камни для немецких дзотов. Катализатором трагических событий в жизни Семена становится война, разрушившая его жизнь: под Курском погибла любимая Настя, сам после войны повторил судьбу многих военнопленных — несколько лет провел в Сибири. После возвращения из родных и близких нашел лишь престарелую мать, пытался адаптироваться к мирной жизни, устроился работать на стройку. Последующие годы жизни героя не описываются детально, однако читатель понимает, что в этот период мужчина переживает деструктивный процесс выпадения из социума, потери работы, дома, причиной которого стала психологическая дезорганизация. Тонкая натура персонажа отрицает материальные блага, но сохраняет преданность духовным ценностям и нравственным нормам: он не озлобился, пришел к Богу, посещает церковь, чутко различает границы между добром и злом. Финал рассказа трагичен — утром старика нашли мертвым на улице: *Ловсо, прок савансо, вельтязь. Вакссонзо озадоль се сыре пинесь, конань онгоманзо веть маризь малавикс кудотнесэ* (с. 185) («Укрыт свежим снегом, словно саваном. Рядом с телом сидел старый пес, вой которого ночью слышали в ближайших домах»). Снег и холод становятся символическими образами жизни Семена, не утратившего систему ценностей, но отторгнутого обществом, лишённого возможности адаптироваться и вернуться к прежней социальной позиции, не получившего помощь в сложной жизненной ситуации.

В рассказах А. Доронина «Кемевтиця валдо» / «Свет надежды», «Кажо» / «Беда» события раскрываются сквозь проблему детской инвалидности. По утверждению исследователей, в XXI в. «писатели все чаще прибегают к освещению физических, духовных и психологических недугов детей, ставших неким фоном для

раскрытия основной социальной темы произведения» [1, с. 457]. Следует отметить, что в мордовской литературе этот тематический вектор является пассивным, что объясняется, на наш взгляд, чувствительностью и деликатностью проблемы. А. Доронин разрабатывает ее в гуманистическом аспекте, в его авторской концепции ребенок-инвалид становится смыслом жизни родителей, приносит им счастье. Писатель не актуализирует вопросы социальной адаптации, паллиативной помощи, не предлагает пути решения проблемы, он ставит перед собой иную цель — раскрыть внутреннюю силу, душевную мощь своих персонажей, оказавшихся в сложной ситуации.

Героине рассказа «Свет надежды» Лиде приходится сделать сложный выбор: либо воспитывать сына-инвалида, либо отказаться от него и поместить в интернат. Врачи, знакомые, подруги, соседи советуют ей выбрать второй путь, поскольку *пильге лангс а стявтови, ды эрияк а кувать* (с. 140) («[ребенка с таким диагнозом] невозможно поставить на ноги, да и проживет он недолго»). Она принимает решение, продиктованное материнским сердцем, искренне веря, что в состоянии сына наметится положительная динамика — *мода лангсо суксонь пурныця озязоськак виемкшни* (с. 144) («на земле окрепнет и собирающий червячков воробушек»). Однако прошло более пяти лет, а Павлуша не встал на ноги, не заговорил, лишь лежал и издавал нечленораздельные звуки. Лида оказалась в замкнутом мире, ей пришлось уйти с работы, забыть о личном счастье (мужчины, узнав о болезни Павлуши, исчезали навсегда), она подчинила свой образ жизни служению ребенку-инвалиду. Женщина очень устала от безысходности и приняла решение определить сына в дом инвалидов. Дальнейшее сюжетное развитие, на наш взгляд, автором не продумано, поскольку действия и поступки Лиды не соотносятся с чертами ее характера. По совету подруги женщина делает сыну инъекцию, поражающую сердце. Автор передает ее состояние потерянности, неопределенности: *Чопода куринкатнева авась мольсь ков сельмензэ несть. Кувать истя лытась, весемеденть стувтозь* (с. 144) («Долго отрешенно бродит по темным улицам, забыв обо всем»), боясь возвращаться домой и увидеть бездыханное тельце. Финальная сцена рассказа — ребенок не только выжил, но и произнес первое слово — не соотносится с предыдущей картиной, однако производит на переживающего за героиню читателя благоприятное воздействие. Необъяснимое чудесное провидение помогло Лиде избежать смертного греха. Героиня вызывает амбивалентные эмоции: с одной стороны, сострадание, с другой — осуждение за способность совершить преступление против беззащитного ребенка.

В целом ряде рассказов А. Доронина («Вельмемань чи» / «День возрождения», «Отъмачи» / «Преисподняя», «Ашо киштема» / «Белый танец» и др.) поднимается проблема самоубийства, табуированная в мордовской литературе доперестроечной эпохи, активизировавшаяся в постмодернистских текстах начала XXI в. (рассказ Е. Четвергова «Последний шаг»). Отметим, что автор не проводит скрупулезного исследования психиатрических факторов, триггеров принятия персонажами решения о добровольном уходе из жизни, не раскрывает их психологическое состояние в момент совершения греховного шага, он констатирует лишь факт, что обусловлено, на наш взгляд, специфическим авторским ходом, направленным на то, чтобы подвести читателя к размышлениям об идее спасения и праведного бытия.

В рассказе «Преисподняя» представлена трагическая история жизни и гибели талантливого, самодостаточного, состоявшегося и, на первый взгляд, реализовавшегося мужчины, студенческого друга автора-повествователя. Близкие дружеские отношения объясняют фамильярное обращение к персонажу — Гера. Автор не упоминает ни его фамилии, ни отчества, таким образом подчеркивая, что со сменой положения друга характер их взаимоотношений не менялся. До поступления в университет Гера отслужил в армии, проработал учителем в школе. Его отношение к учебе поражало многих: он не тратил время зря, много читал, занимался самообразованием, разнообразными вопросами приводил преподавателей в замешательство. После «неожиданной женитьбы» мужчина устроился инкассатором, сопровождал крупные суммы денег. Однажды он признался другу, что *сонензэ мельс тукинось эсь прынзо марто бороцямоь ды икелензэ аштицянтъ човоньс а ледемань цидярдомась* (с. 48) («ему нравится бороться с собой и сдерживать желание выстрелить впереди сидящему водителю в затылок»). Признание испугало автора-повествователя, однако он не решился на серьезный разговор с Герой, оправдав его агрессивность усталостью. Эта сентенция становится импульсом трагического разрешения событий.

Во время редких встреч с другом повествователь замечает некие изменения в его психике, поведении — с ним невозможно стало дискутировать, он никого не слушал, много говорил о грехе, читал религиозную литературу, устроился псаломщиком в местную церковь, однако добрее, мягче не стал, наоборот, озлобился на самого себя: *Зярдэ ломанесь Пазонть икеле ашти, сон седеяк нек вайси домка не-жетьс* (с. 49) («Когда человек перед Богом стоит, он еще больше утопает в своих грехах»). Гера не осознает связь между неизбежностью грехов и необходимостью покаяния, искупления. «Цепь грехов, — пишут исследователи с опорой на традиции русской духовной словесности, — может быть преодолена только силой праведного устремления. ...Греховность человека спасительно преодолевают искупление и покаяние, органично ведущие от греха к праведности» [11, с. 99]. Мужчина не задумывается о нравственных максимах православного канона, оказывается в водовороте общественно-политических перемен, кардинально меняет образ жизни (занимается предпринимательством), следуя принципу *ютазь зрямонть а велятсак, сави одонть тонадомс* (с. 50) («прошлую жизнь не вернешь, надо к новой подстраиваться»). С тех пор Геру и его жену Олю сложно было застать в Москве — они часто выезжали за границу или за товаром, или на отдых, поправили материальное положение: *Рамась питней дача ды кавто машинат, покшолгавтызь квартираст. Оля тунь полавтовсь: оринесь мазыйстэ, яксеь театрава ды презентациява. Гера оля шканзо ютавтнесь ськамонзо, киненьгак эзь кеме. Сон ламо симсь ды мезде-бути арсесь, арсесь* (с. 50) («Купили дорогую дачу и две машины, расширили квартиру. Оля изменилась: одевалась ярко и модно, посещала театры и презентации. Гера свободное время проводил в одиночестве, никого не пускал в свой мир, много пил и о чем-то думал, думал...»). Сообщение «Гера застрелился» не стало неожиданностью для повествователя и читателя, оно сюжетно закономерно. Причина самоубийства героя не в житейских проблемах, а в духовной безысходности, внутренней дисгармонии, в недостаточной религиозной укрепленности. Интеллектуальный, целеустремленный, прагматичный, он не смог

найти путь спасения и преодолеть греховную природу, подчинить свое мировидение православной доминанте.

Заключение

Высказанные в работе положения подводят к выводу о том, что обращение А. Доронина к жанру рассказа обусловлено внешними факторами (потребностью современного общества в малых объемах информации), жанровыми предпочтениями рассказа, а также индивидуально-творческой концепцией писателя, его стратегией объективного, лишённого пафосного сегмента взгляда на общественно-психологические сдвиги современной действительности, экспликацией экзистенциальных вопросов, манифестацией аксиологических констант, утверждением общечеловеческих ценностей. Произведения писателя знаменуют собой определенный этап в развитии мордовского рассказа, поскольку обогащают национальную малую прозу малоразработанными темами и проблемами (геронтологическая, тема чеченской войны, детской инвалидности, социальной маргинальности, добровольного ухода из жизни), оригинальными образами, синтезом разнородных начал — эпического и лирического, трагического и смешного.

Рассказы А. Доронина не отличаются замысловатостью сюжета, разнообразием композиционных приемов, метафоричностью стиля (в этом и проявляется характерная для литературы XXI в. тенденция к минимализации), в них автор решает злободневные социальные, нравственно-этические вопросы, описывает представителей разных социальных слоев и групп — городских интеллигентов, сельских жителей, бывших военных, пенсионеров, инвалидов, маргиналов, переданных в индивидуализированной форме, в целом воссоздающих обобщенный образ человека рубежной эпохи. Автор стирает грани между хорошими и плохими персонажами, избегает открытых оценок, он рассказывает историю их судьбы, описывает поведение и действия, оголяя израненную душу или скрытые пороки. Во всех произведениях ощущается свойственный авторскому стилю легкий драматизм.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы видятся нам в комплексном изучении творчества А. Доронина в контексте мордовского литературного процесса начала XXI в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Божкова Г. Н., Ахметзянова Э. И. Болезни и недуги героев подростковой прозы XX — XXI вв. // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 4 (37). С. 457 — 460.
2. Бухалова Н. А. Семья пожилых людей в ракурсе социально-философского анализа // Дискуссия. 2012. № 6. С. 17 — 20.
3. Демин В. И. Моран Россиясо эсень эрзянь кельсэ...: эрзянь писательде ёвтнама (Пою в России на своем эрзянском...). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2008. 232 с.
4. Ермина Н. И. Мордовский рассказ 1990 — 2010-х годов: жанровые формы, проблематика, поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2022. 27 с.
5. Зайцева Т. И. Удмуртская проза второй половины XX — начала XXI века: национальный мир и человек. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2009. 376 с.
6. Кедяркин С. Н. Эволюция творчества Александра Доронина: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2001. 236 с.

7. Кондратьева Н. В. Художественное своеобразие современной удмуртской прозы о войне (на материале повести Е. Миннигараевой «Где ты, сынок?») // Финно-угорский мир. 2016. № 4 (29). С. 24 — 29.

8. Пономарева Т. А. Маргинальный герой в прозе Р. Сенчина // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Литературоведение, журналистика. 2017. Т. 22, № 2. С. 274 — 281.

9. Сизых О. В. Поэтика современного российского рассказа // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2012. Т. 9, № 2. С. 123 — 129.

10. Старыгина Н. Н. Христианская семантика рассказа «Христос в гостях у мужика» Н. С. Лескова // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18, № 2. С. 238 — 259.

11. Тяпченко О. А. Мотив самоубийства и художественное представление праведного / греховного начал в образной системе прозы Веры Галактионовой // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 5. С. 98 — 100.

12. Федунина О. В. Литературный сон: между нарратологией и жанрологией // Новый филологический вестник. 2015. № 2 (33). С. 52 — 61.

13. Шеянова С. В. Современный мордовский роман: проблематика, поэтика. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. 284 с.

14. Шеянова С. В., Юсупова Н. М. Специфика интерпретации истории в повести А. Доронина «Волчий овраг» // Вестник урведования. 2021. Т. 11, № 1. С. 139 — 147.

Статья поступила в редакцию 01.03.2023; одобрена после рецензирования 14.04.2023; принята к публикации 20.04.2023.

Информация об авторе:

Светлана Васильевна Шеянова, профессор кафедры финно-угорской филологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68), доктор филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6504-3410>, sheyanovas@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Bozhkova GN, Akhmetzyanova EI. Diseases and Ailments of Heroes of XX — XXI Centuries Adolescent Prose. *Memoirs of NovSU*. 2021;(4):457—460. (In Russ.)
2. Bukhalova NA. The Family of Elderly People from the Perspective of Socio-Philosophical Analysis. *Discussion*. 2012;(6):17—20. (In Russ.)
3. Demin VI. I Sing in Russia in My Erzyan Language... Saransk;2008. (In Russ.)
4. Ermina NI. Mordovian Story of the 1990 — 2010s: Genre forms, Problems, Poetics. Saransk;2022. (In Russ.)
5. Zaitseva TI. Udmurt Prose of the Second Half of the XX — early XXI Centuries: the National World and Man. Izhevsk;2009. (In Russ.)
6. Kedyarkin SN. Evolution of Creativity of Alexander Doronin. Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Saransk;2001. (In Russ.)
7. Kondratyeva NV. Artistic Originality of Modern Udmurt Prose about the War (on the Material of E. Minnigaraeva's Story "Where Are You, Son?"). *Finno-Ugric World*. 2016;(4):24—29. (In Russ.)
8. Ponomareva TA. The Marginal Hero in the Prose of R. Senchin. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser.: Literary Studies, journalistic*. 2017;22(2):274—281. (In Russ.)

9. Sizykh OV. Poetics of Modern Russian Story. *Vestnik of NEFU*. 2012;9(2):123—129. (In Russ.)
10. Sarygina NN. Christian Semantics of the Story “Christ Visits a Peasant” by Nikolay Leskov. *The Problems of Historical Poetics*. 2020;18(2):238—259. (In Russ.)
11. Tyapchenko OA. The Motive for Suicide and Fictional Representation of Pious and Sinful Bases in the System of Images in Vera Galaktionova's Prose. *Cultural Studies of Russian South*. 2009;(5):98—100. (In Russ.)
12. Fedunina OV. Literary Dream: Between Narratology and Genre Studies. *The New Philological Bulletin*. 2015;(2):52—61. (In Russ.)
13. Sheyanova SV. Modern Mordovian Novel: Problems, Poetics. Saransk;2013. (In Russ.)
14. Sheyanova SV, Yusupova NM. The Specifics of Interpretation of the History in the Story by A. Doronin “A Wolf Ravine”. *Bulletin of Ugric Studies*. 2021;11(1):139—147. (In Russ.)

The article was submitted 01.03.2023; approved after reviewing 14.04.2023; accepted for publication 20.04.2023.

Information about the author:

Svetlana V. Sheyanova, Professor of Department of Finno-Ugric Philology of National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6504-3410>, sheyanovas@mail.ru

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.